

Заклинания и приговоры в календарных обрядах.

В. К. СОКОЛОВА

1982 г.

Заклинания, как можно предполагать, были исконным, древнейшим видом обрядового фольклора. Их место и значение в обряде было определено их сущностью. Они имели ту же доминантную функцию, что и весь обряд в целом, целью их было оказать влияние на окружающий мир, вызвать желательное явление. Слово воспринималось, как дело, оно органически сливалось с действием, поясняло и как бы закрепляло его.

Термины "заклинания" и "приговоры" в известной мере условны, и четкой границы между ними нет. Но заклинание имело отчетливо выраженную магическую функцию и произносилось с целью вызвать желаемый результат, приговорам же, также сопровождавшим обряд, особого значения уже не придавалось, они исполнялись по традиции, выражали пожелания, на поздней стадии существования обрядов они могли приобретать и шуточный, развлекательный характер.

Общая основная функция всех заклинаний обусловила значительную близость словесного оформления разных их типов. Все они выражали требование, пожелание или просьбу, были обращены к кому-то или к чему-то. Это потребовало употребления сказуемого-глагола в повелительном наклонении, хотя тональность заклинаний была разная - от приказа до просьбы, мольбы. В основе заклинательные формулы - очень краткие, в них выражена, и очень четко, только основная мысль, но они могут развиваться, заполняться разными деталями. Различаются же заклинания по принципам их построения, обуславливаемыми характером обрядовых действий, в которые заклинание входило, и изменениями в научном мировоззрении. Это дает основание выделить и рассмотреть разные типы заклинаний.

Как и любой фольклорный жанр, заклинания находились во взаимодействии с другими жанрами - обрядовыми и необрядовыми, прежде всего с возникшими на их основе заговорами. Связаны они были также с обрядовыми песнями обходов дворов, являвшимися в своей основе также заклинаниями, а на последней стадии существования обрядов - с шуточными приговорами, потешками и детскими песенками. Эти связи отмечаются, насколько это возможно было сделать, в рамках данной статьи.

Простейший и, вероятно, наиболее древний первоначальный вид заклинаний - непосредственное обращение к объекту, на который хотели воздействовать. А воздействовать пытались на весь окружающий мир, на явления природы, которые персонифицировались; к ним обращались, как к живым существам. Обращения, как правило, имели характер требования, приказа. Это могли быть отдельные выкрики, вроде тех, какими прогоняли зиму, уничтожая при этом антропоморфное чучело масленицы: "Уходи, зима, с морозами!" или: "Убирайся вон, рваная старуха, грязная! Убирайся вон, пока цела!" [1] В некоторых селах Московской губ. хозяйка, выгоня первый раз в поле корову, заставляла ее переступить через положенную в воротах клюшку, а потом, ударяя ее

этой клюшкой, приговаривала: "Тели телок, тели телок!" [2] Чтобы жатва была обильной, жница, нажав первый сноп, говорила: "Стань, мой сноп, на тысячу коп!" [3] Подобные заклинания были обращены и к солнцу: - "Солнышко, ведрышко, выгляни в окошко!"; к дождю: "Дождик, дождик, пуще!" или: "Дождик, дождик, перестань!"; и т. п.

Заклинания такого типа встречались и в виде двухчленной формулы. Так, в Ярославской губ. весною, катаясь по всходам ржи, приговаривали: "Расти, расти трава к лесу, а рожь к овину" [4]. Первым сжатым снопом, который вносили в дом, выгоняли мух, тараканов и пр.: "Первый сноп в дом, а клопы, тараканы вон" или: "Мухи, гады, вон, идет хозяин в дом" [5].

Большую часть заклинаний, обращенных непосредственно к объекту воздействия, отличал повелительный тон: уходи вон, перестань, принеси, расти и т. п. Поэтому их можно определить как заклинания императивные. Их начальная, наиболее устойчивая формула - обращение-требование. Эта формула нередко составляет все заклинание. Но порою, особенно при массовых действиях, заклинания развивались за счет уточнений, дополнительных деталей. Так, требуя, чтобы пошел дождь, указывали ему, что он должен полить и притом полить обильно:

Дождь, дождь!
На бабину рожь,
На дедову пшеницу,
На девкин лен
Поливай ведром [6].

Окончив жатву, женщины катались по сжатой ниве и просили ее вернуть им силу: "Нива, нива, отдай мою силу!". Иногда этим заклинание ограничивалось, но чаще жницы подчеркивали, что потеряли силу, когда жали, а она им нужна, чтобы сжать еще яровые, и на другие работы:

Нивка, нивка,
Отдай мою силку,
Ну я тебя жала,
Свою силу потеряла!
Жнивка, жнивка,
Отдай мою силку
На яровину,
На овес, на гречиху,
На конопельки!
Чтобы мне постараться,
Конопелек набратся! [7]

Или: "Жнивка, отдай мою силку на пест, на мешок, на колотило, на молотило и на криво веретено" [8].

Обращаясь к весне или к ее предвестникам - жаворонкам, просили их принести тепло, обильный урожай - "хлеба вольного", здоровья и пр. Украинцы с подобными призывами обращались к гоголю, прося его принести лето, а с ним "и зеленое житечко, хрещатенький барвиночок и загашненькой василечок" [9].

В приговорах, постепенно утративших магическое значение, стали появляться бытовые картинки. Так, в заклинании жаворонков, записанном в Горьковской обл., рисовалось оскудение к весне крестьянского хозяйства:

Жаворонушки,
Прилетите к нам!
Принесите нам

Красно летечко.
Нам зима-то надоела,
Хлеб и соль-то всю поела,
Всю кудельку перепряла,
На базары пертаскала.
Хлеба ни крошки,
Дров ни полена,
Горя по колено!
(или: Воды по колено).
Жаворонки, прилетите,
Красно лето принесите! [10]

Это явно поздний приговор, но в нем устойчиво сохраняется форма заклинания (причем обращение к жаворонкам повторено и в конце) и его основная тема - ожидание лета с теплом и урожаем. С расширением, дополнением заклинательных формул усложнялась их художественная структура. Заклинания типа приведенных обращений к дождю, ниве, жаворонкам можно уже рассматривать как художественные произведения, имеющие свои особенности. Они ритмически организованы, строки нередко строятся по принципу синтаксического параллелизма, временами появляется рифма. Используются в них, хотя и очень ограниченно, такие приемы народной поэтики, как постоянные эпитеты (весна красная, лето красное, теплое и пр.), уменьшительные суффиксы

(жавороночки, летечко, нивка, силка и т. п.). Отличительными признаками их были вступительные формулы, придававшие всему произведению заклинательный тон. Утрачивая первоначальную функцию, они постепенно все больше сближались с шуточными приговорами, припевками и потешками, что облегчало переход их в детский фольклор.

К императивным заклинаниям по словесной структуре близки заклинания-просьбы. Но они принципиально отличаются от заклинаний первого типа тем, что обращены не непосредственно к объекту воздействия, а к посреднику - сверхъестественному существу, от которого ждали помощи. Этот тип заклинаний появился, когда в сознании человека сложились представления о духах-хозяевах, повелителях стихий. Заклинающий выступает здесь не как субъект, активно воздействующий на природу, а как пассивный проситель. На этот тип заклинаний сильное влияние оказало христианское мировоззрение; вместо обращения к первоначальным стихийным божествам стали обращаться к богу, богородице, святым, а само обращение стало звучать, как церковная молитва. Это меняло тональность заклинания, из повелительного оно становилось просительным. Заклинания-просьбы часто не были связаны с какими-либо магическими действиями, что также говорит об их позднем происхождении.

Как и императивное заклинание, заклинание-мольба могло быть очень кратким и состоять только из обращения-просьбы:

"Дай, боже, нам урожаю"; "Егорий Храбрый, береги мою скотинку" [11], "Святы боже и святы Еры [Юрий]! Захováйце ніуку от граду" [12]; и т. п. Обращались и к названию праздника, который в сознании народа персонифицировался. Так, девушки молили: "Покров, покров, покрой землю снежком, а меня женишком!" В Карго-польском р-не Архангельской обл. на покров скармливали скоту сжатый последним снопом овса и говорили: "Покров, покров, покрой нашу избушку теплом, а хозяина животом" [13].

У всех восточнославянских народов бытовало заклинание-просьба: "Роди, боже, жито, пшеницу, всякую пашницу!" Особенно широко оно было распространено у украинцев. У них оно вошло в колядки и щедрилки, в жнивные песни, в приговоры, которые произносили мальчики, когда утром на новый год ходили поздравлять с праздником и "засевали" (разбрасывали) по избе зерна: "На счастье, на здоровье, тэ на нове літо; роди, боже, жито, пшаницю и всяку нашницю: добры день, будьте здоров!, з новим годом!" [14] Такой универсальный характер это заклинание приобрело потому, что оно выражало самые сокровенные думы и заботы крестьянина о хлебе насущном.

Такого же характера и приговор, с которым начинали сеять, - просили бога уродить столько хлеба, чтобы его хватило на всех на земле-на каждого человека, на богатого и бедного, и на всю живую тварь: "Уроди на всякого приходящего и заходящего".

Пошли, господи, милость свою
На всякую долю,
На нищую долю,
На сиротскую долю,
На птиц небесных,
На свое семейство [15].

Или:

Народи, боже, на всякого долю,
На лядочого и на крадящего,
И не остав мене биз хлеба
З моею худобою [16].

Из этих примеров видно, что заклинания-просьбы, как и императивные, могли дополняться, в них вносились уточнения. Казалось недостаточным просто попросить: "Народи, господи, с полосьмины три осьмины", а надо было перечислить, для кого именно нужно уродить хлеб, никого не забыть.

Иногда императивное заклинание могло превращаться в просьбы путем переадресовки его к какому-нибудь посреднику. Так, чтобы вызвать дождь, обращались уже не прямо к нему, а к батюшке Николе, дальше же древнее заклинание осталось неизменным:

И Батюшка Никола,
И Давай дождя большого!
На нашу рожь,
На бабин лен
Поливай ведром [17].

Молитвенная формула, не меняя структуры заклинания, меняла его тон. Такие формулы были отличительным признаком заклинаний-просьб, самым устойчивым их элементом и придавали всему приговору определенную окраску.

Свои особенности имеют заклинания, генетически восходящие к обряду-жертвоприношению. Они требовали ритуального подношения, которое чаще выливалось в кормление мифологического существа, от которого зависело осуществление желания. Эти заклинания сохранили более древний пласт верований. Они были обращены к олицетворениям стихий, к домашним и полевым духам, к духам предков, которых хотели задобрить, с которыми старались договориться; иногда такие заклинания обращались и к персонажам христианской мифологии.

Построены эти заклинания как двухчленная формула: вот тебе ... а ты нам (дай то-то, сделай или не делай того-то). Кончая жатву, оставляли на ниве несжатый пучок колосьев - "бороду". Русские во многих местах посвящали ее Илье, приговаривая: "Вот тебе, Илья, борода, а на будущий год уроди нам хлеба города" [18]; "Вот тебе, Илья, борода, а ты пой и корми моего коня"[19]; и т. п. Белорусы весной пекли не только жаворонков, но и пирожки - "галионы" в виде аистов ("буслей"), с прилетом которых связывали наступление весны. С этими пирожками ребяташки бегали и кричали: "Бусля, бусля, на тебе галиону, а мне дай жита" [20].

Одним из типичных примеров обрядов этого типа может служить "кормление" мороза киселем, сохранившееся до XX в. в некоторых центральных русских губерниях. В четверг перед пасхой парили кисель, выносили его на улицу (иногда выливали) и звали мороз:

Мороз, мороз, иди кисель есть!
Не бей наш овес, нашу рожь,
А бей былльник да крапивник [21].

В поздних записях приглашение мороза приобретает шуточный оттенок:

Мороз, мороз, не морозь наш овес,
Киселя поешь, нас потешь [22].

Такого же типа заклинания сопровождали в Сибири "кормление" домового с целью сохранения скота. Оно проходило также в великий четверг. Хозяйка пекла особые лепешки, часть которых отдавали домовому ("хозяину", "соседушке"), - клали их где-нибудь в укромном месте на дворе, приговаривая: "На тебе, хозяин, хлеб-соль. Корми моего скота. Я его кормлю днем, а ты корми его ночью" [23]. Домовому бросали монету под печь, говоря при этом: "Вот тебе, соседушко-батюшко, гостинцы от меня" [24]. В Клинцовском у. Могилевской губ. сходное заклинание было обращено к хозяину пастбищ. Выгоняя первый раз в поле скотину, хозяин брал с собой завернутый в тряпочку хлеб, который затем клал в расщепленное дерево с приговором: "Хозяин, на тебе хлеб и соль! Паси мой скот, чтоб ня было ни какой шкоды" [25].

Как и в других типах, у подобных заклинаний могла развиваться вторая часть - уточнялось, что должен сделать тот, кому приносили дары. Но есть случаи, когда эта часть выпадала. На радуницу, например, когда ходили на кладбище поминать умерших родных, звали разделить трапезу и покойных родителей: клали им на могилу еду, выливали рюмку вина, призывая: "Святіі родители, ходіте до нас хліба и солі істи" [26] или: "Святый радзицели, хадзите, хадзите к нам есци, што бог дав" [27]. Ясно, что это - остатки древних тризн с жертвоприношением предкам с целью заручиться их помощью. Но просить что-то у родителей за угощение было непристойно, это была дань уважения, а помощь их подразумевалась сама собой.

Ритуальное угощение или принесение даров со временем отпадало, память же об этом могла довольно долго сохраняться в приговорах. Так, украинцы, заклиная дождь, обещали сварить ему борщ и притом в зеленом горшочке: "Дощику, дощику, зварю тобі борщику в зеленому горщику; секни, рубани дойницею, холодною водицею" [28]; (вар.: "Только не иди"). Или более сложное заклинание: "Дощику, дощику, зварю тобі борщику в новенькому горщику, поставлю на дубочку, дубочок схитнувся, а дощик линувся цебром, відром, дойничкою над нашою пашничкою" [29]. Несомненно, что дождю когда-то готовили угощение, возможно, что его ставили на дубок (дуб был посвящен богу грома), проливали его, имитируя дождь. Как воспоминание об этом остались лишь слова заклинания, переходившего уже в шутку, подобно русскому детскому приговору:

Дождик, дождик, пуше,
Дам тебе я гущи,
Дам тебе я ложку,
Хлебай понемножку.

Довольно часто встречались заклинания, основой которых служило сопоставление, уподобление двух (а иногда и нескольких) предметов или явлений - действительного и желаемого. Заклинания этого типа обычно произносили, когда производили действие чем-то подобное тому, которое хотели вызвать, или использовали предметы, свойства которых хотели передать заклинаемому. Такие заклинания построены на формуле: как ... так бы ... Например, в некоторых селах Московской губ. хозяйка, выгоняя корову первый раз в поле, заставляла ее перешагнуть через положенный в воротах сковородник, приговаривая: "Как сковородник от печки не отходит, так пусть бы и скотина от двора не отходила" [30]. В Сибири в этих случаях употребляли заслонку и произносили сходные слова. В Боровичском у. Новгородской губ. в егорьев день гладили лошадь по голове яйцом с приговором: "Как яичко гладко и кругло, так и лошадушка моя будь кругла и сыта" [31]. В последний четверг перед пасхой, утром, полагалось умываться или обливаться водой, взятой из

речки или колодца до рассвета. В Вологодской губ. девушки шли для этого на хмельник, при этом приговаривали: "Как хмель любят добрые люди, так бы и меня любили" [32].

Примеров таких заклинаний немало. В них могло упоминаться и несколько предметов. Например, в г. Медынь в петров день женщины и девушки ходили к посевам льна, неся с собой творог; на льяной ниве они ставили длинную тычину и говорили: "Дай бог, чтоб наш лен был тверд, как смычина, длинен, как тычина, и бел, как этот творог" [33]. По мере того как обрядовые действия разрушались, а магические слова сохранялись по традиции, заклинания-сопоставления, как и заклинания других типов, стали произноситься и без соответствующих действий, например: "Как берег с берегом не сходится, так бы и зверь с моей скотинкой не сходился" [34].

Основной художественный прием, используемый в заклинаниях этого типа, - сравнения, которые в заклинаниях других типов почти не встречаются. В сущности все эти заклинания в целом - сравнения, в которых второй член условен. В заклинании может содержаться и несколько сравнений, как в приведенном выше заклинании на лен. В некоторых же приговорах, например, произносившихся при ударах вербою, используется уже набор сравнений.

Вербные приговоры отличаются известным своеобразием. В них свойство предмета - только что распустившиеся ветви дерева - должно было передаваться человеку, с которым они соприкасались, дать ему здоровье, силу: "Будь здоров, как верба"; "расти, как верба". Иногда это были типичные приговоры-сопоставления: "Как вербочка растет, так и ты расти"[35]. Но обычно вербные приговоры более развернуты. Специфично же для них то, что субъектом, воздействующим на человека, выступает как бы сама верба. Это подчеркивалось формулой, очень устойчиво сохранявшейся у всех восточнославянских народов: "Не я бью, верба бьет". Столь же устойчиво и начало-обращение: "Верба хлес, бей до слез"; "Не я бью, вярба бье! Хира у лес, а здароуя у косьти" [36].

В большинстве случаев приговоры дополнялись: желали не только здоровья, но высказывали и другие пожелания. Выражалось это чаще посредством набора сравнений, например:

Верба хлес, бей до слез!
Не я бью, верба бье.
За тыждень великдень:
Будь великий, як верба,
А здоровый, як вода,
А богатый, як земля [37].

Или:

Не я бью, верба бье,
За тыждень великдень.
Не будь сопливый,
До работы ленивый,
Не будь зависливой,
Али буде здоров, як вода,
Рости, як верба!
Будь шмыткий, як пчела,
Будь богатый, як земля!
От року до року,
Вербою по боку [38].

В последнем приговоре чувствуются уже шуточные нотки, но построение и формулы его традиционны, дополнение шло главным образом за счет новых сравнений. Шуткой-прибауткой они стали тогда, когда обычай хлестаться вербой перешел к детям:

Верба хлест, бьет до слез,
Верба бела бьет за дело,
Верба красна бьет напрасно.

Для заклинаний-уподоблений такой переход в шутку не типичен, вербные заклинания, пожалуй, - единственный пример, и связано это с их особым характером. Значительно чаще отмечалось влияние на данный тип заклинаний заговоров. Большая часть заговоров была также построена по формуле уподобления. А. А. Потебня считал, что основную формулу заговора лучше всего определить, как "словесное изображение сравнения данного или нарочно произведенного явления с желанным, имеющее цель произвести это последнее"[39]. Поэтому сближение с заговорами именно заклинаний-уподоблений было естественным. Заговоры имели особую форму со специфическими начальными и заключительными формулами, испытавшими сильное влияние христианских молитв. Эти заговорные формулы вставлялись и в заклинания. Так, в Приозерном р-не Архангельской обл. хозяйка перед тем, как первый раз выгнать скотину в поле, повязывала вокруг голого тела пояс, а затем расстилала его в воротах, через которые выгоняли скотину, приговаривая: "Коль крепко и плотно пояс вокруг меня держится, толь крепко и плотно пестрюнюшка вокруг двора держится и своей большушки матушки. Век и повеку, отныне и до веку"[40]. Здесь для придания большей силы заклинанию использована концовка заговоров, так называемые "ключевые слова". То же и в приговоре, с которым в Западной Сибири на Тавде "брали в круг муравьев" для того, чтобы овцы плодились. В великий четверг хозяин шел в лес, вырубал в пне небольшое углубление и собирал туда муравьев, говоря при этом: "Как эти муравьи плодятся, так бы у меня, раба божия (имя), плодились овечки: беленькие, черненькие и пегенькие. Ключ и замок словам моим. Аминь!" [41].

Использовались и начальные формулы заговоров. Например, в Каргопольском р-не Архангельской обл. при первом выгоне скота сливали в один сосуд воду, взятую из трех ключей, с приговором: "Во имя отца и сына и св. духа. Как бы сия ключевая вода стекала в одно место, так бы сходился и стекался мой скот любимый, крестьянский жить в одно место" [42]. Типичный заговор - "чтобы растения росли" - приведен С. А. Гуляевым: "Встану я, раб божий (имярек), благославясь, пойду, помолясь, из избы в двери, из дверей в ворота, в чистое поле, прямо на восток, и скажу: "Гой еси, солнце жаркое, не пали и не пожигай ты овощь и хлеб мой, а жги и пали куколь и полынь-траву. Будье слова мои крепки и лепки"[43]. Как можно предполагать, здесь древнее заклинание императивного типа, обращенное к солнцу, обросло типическими заговорными формулами (не исключена, впрочем, здесь и известная литературная правка - "гой еси" и др.).

Заговоры не являются обрядовым жанром и в составе календарных обрядов встречаются редко. Но их обычно знали пастухи и достаточно широко ими пользовались; почти всегда они произносили их весной при первом выгоне скота. Это, видимо, и оказало влияние на приговоры, с которыми хозяева отправляли в поле свою скотинушку. Показательно, что почти все заговоры, зафиксированные в календарных обрядах, связаны со скотом.

Таким образом, в календарных обрядах можно выделить четыре типа заклинаний: императивные, молитвенные, с жертвоприношением (угощением) и уподобления. Между этими типами нет четкой границы, они во многом близки, и один тип мог переходить в другой. Так, как было показано, заклинания императивные могли переходить в просьбы посредством простого присоединения к ним молитвенного обращения.

Тип заклинаний во многом был связан с характером обряда. Так, заклинания с жертвоприношением и уподобления требовали определенных обрядовых действий. В то же время один и тот же обряд мог сопровождаться заклинаниями разного типа. Например, подбрасывание ложек после весенней трапезы на озимом поле (когда смотрели всходы) часто сопровождалось простым приговором-приказанием: "Расти, рожь, вот такая!" Так как подбрасываемая ложка показывала, какой высокой должна вырасти рожь, появилось и уподобление: "Как высоко ложка летает, так бы высоко рожь была" [44]. Русские стали ходить смотреть в поле всходы на вознесенье и в некоторых случаях в

заклинаниях появилось упоминание о возносящемся на небо Христе, за ноги которого должна была ухватиться рожь, чтобы вытянуться как можно выше. Есть и заклинания, обращенные к самому Христу:

Христос, иди на небеса,
Ржицу возьми за колоса [45].

Как видно из этих примеров, прикрепление обрядов к христианским праздникам также могло сказаться на содержании заклинаний. Очень разнообразны заклинания, с которыми первый раз выгоняли в поле скот; здесь и простые ласковые обращения к своей животинушке, и молитвенные обращения (чаще к Егорию) с просьбой сохранить скотинку, и заклинания уподобления, переходящие в заговоры, обряды, в которые входили эти заклинания, были разные. Когда вера в магическую силу действий и слова утрачивалась, хозяйка уже просто напутствовала свою корову: "Ходи, бог с тобой, кормись да домой не торопись. Впереди коров не бегай и позади не оставайся" [46].

С заклинаниями генетически связаны песни-благопожелания, с которыми в праздники обходили дворы. Первоначально им также придавалось магическое значение - они должны были обеспечить тому, кому пелись, всяческое благополучие: урожай, здоровье, счастливый брак и пр. Некоторые из таких песен, особенно колядки и щедривки, звучат, как заклинания, включались в них и типические формулы заклинаний. В качестве примера можно привести известную русскую колядку:

А дай бог тому, кто в этом дому!
Ему рожь густа, рожь ужиниста.
Ему с колоса осьмина,
Из зерна ему коврига,
Из полужерна пирог!
Наделил бы вас господь
И житьем, и бытьем, и богатством... [47]

В Пинежском р-не Архангельской обл. ребяташки, когда ходили колядовать, пели:

Дай тебе, господи,
На поле природ,
На гумне примолот,
Квашни гущина,
На столе спорина,
Сметаны ти толсты,
Коровы ти дойны [48].

В форме заклинания построены украинские щедривки, главная тема их - пожелание обильного урожая:

Зароди, боже, жито, пшеницю,
Всяку пашницю;
А в полі ядром,
А во дворі добром,
На покуті гостьми,
На полу дітьми,
А в полі зернятком,
На дворку жереб'ятком [49].

Можно думать, что первоначально обходили дворы с заклинаниями, при этом производили и магические действия (рассевание зерен и др.). Заклинания эти, ритмически организованные,

постепенно усложнялись, превращались в песни, величания. У них выработалась своя особая образная система и символика, художественные приемы (гипербола, изображение желаемого как действительного и др.), композиция. Анализ этих песен - особая задача. Здесь важно было лишь указать их генетическую преемственность от заклинаний. Заклинательный тон некоторые из песен-благопожеланий сохраняли долго, даже тогда, когда они перешли в детский фольклор. Это также свидетельствует о том, что основным видом обрядового фольклора были именно заклинания.

В свою очередь песни обходов дворов тоже оказали влияние на поздние приговоры. Обычно эти песни оканчивались просьбой или требованием угощения и денег за высказанные добрые пожелания, которые подкреплялись угрозой тем, кто скупился. Такие просьбы характерны и для приговоров, которыми дети поздравляли домохозяев, за это им давали какое-нибудь лакомство. Показательным примером таких поздних приговоров, создававшихся по традиционным образцам, могут служить средокрестные приговоры. Средокрестьем народ называл середину великого поста, говорили, что в ночь со среды на четверг пост ломается пополам. В эти дни выпекали особое печенье - "кресты". Ему приписывали магическое свойство - обеспечивать урожай. "Крест" хранили до первого весеннего выезда в поле, крошили в семена, чтобы набраться сил для летних работ. Ослабление веры в магическую силу хлеба и "крестов" привело к тому, что их стали использовать для гадания, а потом стали давать как угощение ребятишкам, которые бегали по избам и выпрашивали их приговорами. Это были разные прибаутки, но в них обязательно вставлялась просьба "давай крест", а начало чаще всего было связано с их календарным приурочением - "половина говения (часто сокращенно - говина) переломилась":

Половина говения переломилась,
А другая под овраг покатила.
подавайте "крест", подавайте другой,
Обмывайте водой [50].

Встречались и такие прибаутки:

Тетушка-лебедушка,
Поветь-то упала,
Коров-то задавила,
Кадка молока опрокинулась,
Христов-от день пододвинулся!
подавайте крест,
Поливайте хвост [51].

Или:

Тетушка Анна, садись на окошко,
В осиново лукошко,
Чем хошь поливай,
Только крест подавай [52].

Появлялись и угрозы: "Кто не даст креста - упадет изба", и т. п. Все это - шутки, многое в них добавлено самими детьми. Средокрестовые приговоры были зафиксированы недавно, и только в двух областях (Костромской и Горьковской), что так же, как и содержание их, свидетельствует, что это позднее и местное творчество. Но есть в них устойчиво повторяющаяся деталь: "Поливайте водой", "чем хошь поливай". Иногда ребята действительно поливали, "чтобы к пасхе был дождь" [53]. Это дает основание предположить, что раньше в этих местах были весенние обходы дворов с целью вызова дождя, а хождения детей за обрядовым печеньем ("крестами") возникли на их основе.

Дети могли сохранять приговоры и в том виде, в каком они переняли их от взрослых, лишь несколько видоизменяя их, делая отдельные вставки. Это наглядно видно на заклинаниях весны,

обращенных к жаворонкам. Обряд стал детской забавой, для детей пекли и обрядовое печенье ("жаворонки"), приговоры же при всех изменениях сохраняли достаточно отчетливо выраженный заклинательный характер и исконную тему - ожидание тепла и урожая. Да и игры с "жаворонками" во многом повторяли действия, совершавшиеся в древности при заклинаниях весны: "жаворонков" старались посадить повыше - на крышу, дерево, пригорок, их подбрасывали вверх, имитировали полет. Однако наряду с приговорами, более или менее выдерживавшими форму заклинания, дети стали обращаться к жаворонкам (в южных областях и к кулику) и с такими прибаутками:

Кулик-саморот
Полетел на гарот (в огород).
Сламил палку,
Убил галку.
Галка ппачить,
Кулик скачить [54].

Или:

Чу виль, виль, виль,
Чу виль, виль, виль,
Козел да баран,
На дыбушки стал,
Мои чувильки достал [55].

Как можно видеть, дети, воспроизводившие как игру отдельные, бывшие некогда ритуальными действия, не только не воспринимали смысл сопровождавших их заклинаний, но и не всегда использовали их форму. В создававшихся ими приговорах часто отсутствуют заклинательные интонации и не всегда высказывается какое-то требование или пожелание (требование обрядового печенья - "крестов", конечно, не заклинание); иногда детские приговоры представляли собой набор отдельных фраз, в них включались строчки из песенок и прибауток; появлялись приговоры и в форме частушки, например:

Половина у овина,
А другая у двора,
Подавайте нам скорее,
Нам в училище пора! [56]

Такие трансформации заклинаний в шуточные приговоры закономерны для стадии перехода обряда в детскую игру. Но заменять ритуальные заклинания приговорами-прибаутками могли и взрослые, когда обряд стал восприниматься как развлечение. Примером могут служить приговоры, с которыми в последний день масленицы жгли костры - "жгли Масленицу". Они занимали в масленичном веселье то же место, что и в традиционном обряде. Когда антропоморфное изображение смерти-зимы уничтожали (топили, сжигали, разрывали на части), то кричали, осыпали зиму ритуальной бранью. Над зловещим божеством насмеялись; смех имел функцию оберега: побеждая смерть, утверждал жизнь. Таким образом, по месту, занимаемому в обряде, и по некоторым особенностям поздние масленичные приговоры как будто связаны с традиционными. По существу же это иное новообразование.

К таким приговорам не относились серьезно, не ждали, что они как-то повлияют на окружающую среду. Гуляющие просто выражали в них свое настроение и отношение к празднику, шутили; страха перед некогда грозным божеством и желания отгородиться от него в этих приговорах-прибаутках не чувствуется. Сударыня Масленица стала олицетворением самого веселого народного праздника, ее встречали как желанную долгожданную гостью и не прогоняли, а наоборот, в песнях просили подольше погостить. Провожали ее с честью, и если ругали, то за то, что она так скоро кончилась, не дала вдоволь нагуляться. Масленица имела разные прозвища, чаще забавные, иногда

непристойные, но в большей части они были определены разгульным характером праздника. Масленицу называли блиноедой, блюдолизой, объедалой, ерзовкой (т. е., как поясняет это слово В. И. Даль, - пронырой, пролазой), мокрохвостой (отмечая состояние погоды в это время) и т. п. Чаще же всего ее называли обманщицей за то, что она только поманила праздником и быстро кончилась, не дала вдоволь погулять: "Мы думали, масленица семь недель, а она только семь денечков".

Масленица-обманщица,
Обманула провела,
Нагуляться не дала [57].

Лейтмотив поздних масленичных приговоров - масленица все поела, ушла и посадила всех на великий пост, на квас и редьку, что было контрастом с обилием на масленицу всяких яств. Говорилось и об ожидании следующего большого праздника - пасхи: "Через семь недель будет светлый день". В приговоры вставлялись шутки, прибаутки, иногда мало связанные между собой, тон же их всегда был веселый, юмористический:

Масленица-обманщица
Мимо красного села
Обманула, увела,
На заулоч завела,
На великий пост
Дала редьки хвост! [58]

Или:

Масленица-ерзовка,
Обманула нас плутовка.
Оставила нас
На кислый квас,
На постные щи,
На голодные харчи [59].

К масленице могли обращаться и ласково, с уважением, но тон приговоров оставался шуточный:

Прощай, масленица, прощай, красная!
Наступает великий пост,
Дадут нам редьки хвост.
А мы редьку не берем
Кота за уши дерем [60].

Заклинания, возникшие в глубокой древности и являвшиеся по своему генезису и сущности обрядовым жанром народного словесного творчества, сохранялись очень долго, пока сохранялись хотя бы в рудиментах обряды, с которыми они были неразрывно связаны. Со временем они, естественно, изменялись, пополнялись новыми произведениями, взаимодействовали генетически функционально с близкими им жанрами - заговорами календарных обходов дворов. Как можно было видеть, менялись и словесная структура заклинаний - от простой фразы, кратко выражавшей пожелание или требование, до ритмически организованных, рифмованных поэтических формул типа коротеньких прибауток и присказок. Но всегда они сохраняли свои основные особенности и доминантную функцию. С утратой этой функции они теряли смысл и переставали существовать, исчезали вместе с обрядами, когда вера в магическую силу особых действий и слов утрачивалась. Какое-то время отдельные заклинания, исполнявшиеся коллективом, могли повторяться детьми как приговоры-прибаутки, причем дети могли их переделывать на свой лад. Когда элементы больших массовых действий, утративших ритуальное значение, становились праздничным развлечением, место заклинаний могли занимать новые приговоры-прибаутки (как-то было, когда жгли чучело

Масленицы), иногда они тут же импровизировались. Эти новообразования не были обрядового происхождения, а восходили к юмористическим жанрам народной поэзии - к прибауткам, припевкам.

- [1] Городцев П. А. Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда. - Ежегодник Тобольского музея, 1915, вып. 26, с. 28.
- [2] Зернова А. В. Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском уезде. - СЭ, 1932, № 3, с. 42.
- [3] Шейн Д. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1877, т. 1, ч. 1, с. 240. .
- [4] ГМЭ, д. 1860, л. 29.
- [5] ИЭЛО, ф. К-1, оп. 2, № 900.
- [6] Терещенко А. В. Быт русского народа. М., 1948, вып. V, с. 12.
- [7] Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. СПб., 1903, ч. IV, с. 364.
- [8] Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1839, вып. IV, с. 82.
- [9] Ефименко П. С. Малорусские заклинания. М., 1874, с. 208.
- [10] ГУ, колл. 3, п. 6, д. 29, № 10,
- [11] ИЭ, д. 1374, л. 27.
- [12] Шейн П. В. Материалы для изучения..., с. 170.
- [13] МГУ, 1962, п. 2, т. 17, с. 147.
- [14] Труды этнографическо-статистической экспедиции в Юго-Западный край. Материалы и исследования, собранные П. П. Чубинским. СПб., 1872, т. III, с. 1.
- [15] Зернова А. В. Материалы..., с. 25.
- [16] ИИФЭ, АН УССР, ф. I, оп. 3, д. 308, № 146.
- [17] Дерунов С. Поэтические и суеверные воззрения народа в Пошехонском крае. - Ярославские губ. ведомости, 1870, № 21.
- [18] Завойко Г. К. В Костромских лесах по Ветлуге-реке. - Тр. Костромского научного о-ва по изучению местного края. Этнографический сборник. Кострома, 1917, вып. VIII, с. 17.
- [19] Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии. М., 1890, с. 33.
- [20] Крачковский Ю. Ф. Быт западнорусского селянина. М., 1874, с. 102.
- [21] Зернова А. В. Материалы..., с. 22.
- [22] ИРЛИ, колл. 69, п. 15, № 265.

- [23] Виноградов Г. С. Материалы для народного календаря русского старожильского населения Сибири.- В кн.: Зап. Тулуновского отделения о-ва изучения Сибири и улучшения ее быта. Иркутск, 1918, вып. 1, с. 27.
- [24] Городцов П. А. Праздники и обряды..., с. 44.
- [25] ГО, XXI, 4.
- [26] Труды Этнографическо-статистической экспедиции..., с. 28.
- [27] Крачковский Ю. Ф. Быт западнорусского селянина, с. 114.
- [28] Ефименко П. С. Малорусские заклинания..., № 197.
- [29] Там же, № 199.
- [30] Зернова А. В. Материалы..., с. 42.
- [31] ГО, XXIV, 6, л. 74, 75.
- [32] Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии..., с. 129.
- [33] ГО, XV, 29, л. 29 об.
- [34] ГУ, колл. 36, п. 3, д. 7, № 47.
- [35] Макаренко А. А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. СПб., 1913, с. 153.
- [36] Романов Е. Р. Белорусский сборник. Вильна, 1912, вып. 8, с. 158.
- [37] Максимович М. А. Дни и месяцы украинского селянина.- Собр. соч. Киев, 1877, т. III, с. 468.
- [38] Крачковский Ю. Ф. Быт западнорусского селянина, с. 105.
- [39] Потебня А. А. Малорусская народная песня. Воронеж, 1877, с. 2.
- [40] МГУ, 1962, п. 2, т. 12, № 32.
- [41] Городцов П. А. Праздники и обряды..., с. 54.
- [42] МГУ, 1959, т. 3, № 31.
- [43] Майков Л. Н. Великорусские заклинания. СПб., 1869, с. 277.
- [44] Шейн П. В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1898, т.1, вып.1 и 2, с. 343.
- [45] Ушаков Д. Н. Материалы по народным верованиям великорусов. Этнографическое обозрение, 1896, № 2-3, с. 201.
- [46] МГУ, 1962, т. 13, № 101.
- [47] Шейн П. В. Великорус..., № 1032.
- [48] МГУ, 1970, т. 1, л. 72. ;

- [49] Труды Этнографическо-статистической экспедиции..., с. 452.
- [50] ИРЛИ, фонограммархив, М-517.
- [51] ГУ, колл. 36, п. 4, д. 11, № 88.
- [52] ГУ, колл. 33, п. 1, д. 2, № 192.
- [53] ГУ, колл. 36, п. 4, № 37.
- [54] Резанова Е. И. Материалы по этнографии Курской губернии.- Тр. Курской губ. ученой архивн. комиссии. Курск, 1911, вып. 1, с. 184.
- [55] Шереметева М. Е. Земледельческий обряд "Закливание весны" в Калужском крае.- Сборник Калужского гос. музея. Калуга, 1930, вып. 1, с. 44.
- [56] ГУ, колл. 31, п. 1, д. 2, № 78.
- [57] Смирнов М. И. Культ и крестьянское хозяйство в Переяслав-Залесском уезде. По этнографическим наблюдениям. - Тр. Переяславль-Залесского историко-этнографического и краеведческого музея. Переяславль-Залесский, 1927, вып. 1, с. 21.
- [58] ИРЛИ, колл. 69, п. 15, № 258.
- [59] ИРЛИ, колл. 261, п. 2, № 504.
- [60] ИРЛИ, колл. 241, п. 1, № 30
-